

гическим чувством, а иными, религиозными и нравственными, проблемами. И даже могучий витализм не всегда сопряжен с чувством неизбежности конца. Когда Бунин пишет о Толстом: «...никому, может быть, во всей всемирной литературе не дано было чувствовать с такой остротой всякую плоть мира, прежде всего потому, что никому не дано было в такой мере и другое: такая острота чувства обреченности, тленности всей плоти мира, — острота, с которой он был рожден и прожил всю жизнь» (9, 110), то это означает, что он в Толстом сгущает то, что свойственно ему самому. И у Толстого, как это бывает у Бунина, жизнь и смерть могут составлять монтажный стык (например, смерть Николая Левина и известие о беременности Кити), но могут далеко отстоять друг от друга. Всюду у Толстого работает то, что он называл «раздвижным механизмом».

Сравним две Пасхи — у Бунина и Толстого. В «Жизни Арсеньева» Пасха, как говорилось, несет в себе не только чувство торжества возродившейся жизни, но и обостряет печаль — признак постоянного присутствия в бытии смерти. Как разительно это отличается от Пасхи в толстовском «Воскресении», где торжествует только жизнь и только счастье! У Толстого смерть может уходить из бытия — и надолго уходить, у Бунина же — никогда. Бунин приводит в «Освобождении Толстого» как нечто родственное себе то место в «Казаках», когда Оленин чувствует, что он «просто комар или такой же фазан или олень, как те, которые живут теперь вокруг» (6, 77). Но в этом эпизоде проявляется и разница между писателями. Острейшее чувство жизни не вызвало у Оленина такого же острого чувства смерти. Смерть безотносительна к чувству жизни: и не обостряет, и не омрачает его. Смерть входит в бытие просто — как его естественный элемент. Именно в тот миг, когда Оленин чувствует себя оленем или фазаном, он проникается мудростью дяди Ерочки «...поживу, умру... только трава вырастет» (6, 77). Чувства Оленина находятся в движении. Сначала он испытывает «чувство беспричинного счастья» (6, 77), но прошло некоторое время и «ему стало так страшно, как никогда» (6, 78), и вновь прошло время, и снова «солнце просияло в его душе» (6, 79). Т. е. у Толстого все *чередуются* согласно течению времени: и полярные состояния души, и полярные состояния мира. У Бунина же они не чередуются, а сближаются и накладываются. Бунин тяготеет к универсализму коллизии жизни и смерти. Толстой тоже стремится проникнуть в их общий смысл: в «Анне Карениной» рождение и смерть названы «отверстиями в высшее». Недаром единственная глава этого романа, которую автор озаглавил, называется «Смерть», и не случайно она посвящена персонажу, находящемуся вне сюжетного русла: таким образом экзистенциальная проблема лишалась какой-либо конкретной характерологической направленности.

Но, как ни важна для Толстого универсальность коллизии жизни и смерти, не менее важно для него многообразие индивидуальных проявлений смерти. Смерть — это и выявление подлинной сущности жизни того или иного человека. Ранняя повесть названа им «Три смерти», а подводя итоги, можно сказать: у Толстого столько же смертей, сколько личностей и индивидуальных судеб.²³ У Бунина же не разные смерти, а одна Смерть. Но у этого великого таинства разные лики.

Проблема жизни и смерти имеет глубинную и органическую связь с проблемой Эроса и смерти, потому что Эрос — это наивысшее проявление жизни.

²³ М. Алданов в книге «Загадка Толстого», на которую ссылается Бунин в «Освобождении Толстого», приводит целую «коллекцию материалов» о смертях в произведениях Толстого. См.: Алданов Марк. Картины Октябрьской революции. СПб., 1999. С. 368—369.